

ствуемъ въ этомъ погребеніи своимъ сердцемъ, мы плачемъ съ преблагословенной Матерью Господа надъ Его бездыханнымъ, но животворящимъ Тѣломъ... Что можетъ быть умилительнѣе этихъ обрядовъ Христова погребенія? Какая вѣрующая душа не выронила слезу при пѣніи *Тебе, одиночюгося святомъ, яко ризою или Приидите, ублажимъ Иосифа приснопамятнаго?*.. А канонъ на плачь Пресвятыя Богородицы? Да это такая поэзія, съ какою не сравнится ничто изъ твореній всемірно - прославленныхъ поэтовъ!

Я не буду говорить объ утрени Великой субботы: эта таинственная, глубоко-поэтическая каюсма съ ея похвалами Господу, почивающему во гробѣ, похвалами, полными духовныхъ созерцаній того, что творилось въ загробномъ мірѣ и въ самой преисподней въ то время, когда Творецъ міра тѣломъ почивалъ во гробѣ, причемъ неподражаемо художественно изображается настроеніе всей природы, даже бездушной природы въ эти великіе дни искупленія міра его Творцомъ,—этотъ также полный поэзіи и вмѣстѣ глубокаго богословствованія канонъ *Волною морскою*, ирмосы котораго на половину написаны тою же инокинею-поэтессою Кассіею, наконецъ,—крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницею во полумракѣ глубокаго утра,—все это такъ благотно дѣйствуетъ на душу вѣрующаго, что не вышелъ бы изъ церкви, все стоялъ бы колѣнопреклоненный у гроба своего возлюбленнаго Господа Иисуса и плакалъ бы о грѣхахъ своихъ сладкими слезами умиленія!..

Литургія, въ своей первой части, то есть, собственно вечерня есть тоже какъ бы «присѣдніе прямо гроба» съ Маріею Магдалиною и другою Маріею, и благоговѣйное размышленіе о великихъ судьбахъ промысла Божія въ искупленіи грѣшнаго человечества при свѣтѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій. Въ 15-ти пареміяхъ или чтеніяхъ изъ Ветхаго Завѣта раскрывается вся исторія

домостроительства нашего спасенія отъ сотворенія міра до самаго пришествія Христа. Какъ глубоко не пожалѣть нашихъ собратій, которые проводятъ этотъ день въ суетѣ предпраздничныхъ приготовленій и не заглядываютъ въ храмъ Божій! Подумать только: чего сами себя лишаютъ они! Какою дорогою цѣною окупаютъ свою суету!

И вѣдь вотъ что особенно прискорбно: ну, пусть бы мірянинъ-простоецъ, въ потѣ лица своего достающій себѣ хлѣбъ насущный, такъ погружался въ эту суету, было бы хоть понятно; но—люди обезпеченные, люди, имѣющіе полную возможность быть въ церкви въ эти великіе дни, ихъ-то почему мы не видимъ въ церкви Божіей? Они-то куда ушли отъ гроба Жизнодавца? Мало того, что сами ушли: и дѣтокъ ихъ вовсе не видно тутъ, у подножія Христовой плащаницы! Господи! Коснись ихъ сердца, дай имъ хотя мало восчувствовать сладость благодати Твоей, столь преизобильно вѣющей въ святомъ храмѣ Твоемъ въ эти дни: быть можетъ, если не сознание долга—быть при гробѣ Твоемъ, то хотя это богатое настроеніе, это духовное блаженство вѣрующаго сердца привлечетъ ихъ сюда, чтобы съ нами, служителями Твоими, лобызать раны Твои, поклоняться священному изображенію измученнаго Тѣла Твоего, почивающаго на ложѣ тридневномъ, и встрѣтить потомъ въ свѣтлой радости преславное Твое воскресеніе!..

Ніковъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Рѣчь архимандрита Сильвестра при нареченіи во епископа Рыбинскаго, втораго викарія Ярославской епархіи 10 апрѣля 1910 года.

Среди великопостныхъ молитвъ и службъ, въ самую недѣлю Крестопоклонную дошелъ до слуха моего гласъ вашего свѣтѣйшества, призывающій меня съ Всеми-лостивѣйшаго соизволенія и утвержденія

Благочестивѣйшаго Самодержца нашего Государя Императора къ новому для меня вышему въ св. нашей Церкви служенію епископскому, и при томъ совершенно неожиданно для меня—на моей родинѣ въ древле-православной области Ростовско-Ярославской.

И вотъ я уже предстою теперь «въ сей нареченный и святый для меня день» вашему священному собору и размышляю о предстоящемъ мнѣ великомъ служеніи. Но что я могу сказать? Могу лишь сказать, что и я, подобно всѣмъ старшимъ братіямъ моимъ, здѣ прошедшимъ, ни съ чего иного могу начать свою рѣчь, какъ съ исповѣданія своихъ слабостей, немощей, съ указанія на высоту и отвѣтственность предстоящаго мнѣ служенія и свое недостойнство и убожество. Всѣ эти чувства объемлютъ и меня теперь въ полной силѣ, когда я обращаюсь къ своей душѣ и совѣсти. И невольно просится здѣсь на уста мои слова церковной пѣсни изъ канона къ св. причащенію, поемой также и въ грядущую страстную недѣлю святой Четырдесятницы: «Во свѣтлостехъ святыхъ Твоихъ, како вниду недостойный; аще бо дерзну совннати въ чертогъ, одежда мя обличаетъ, яко нѣсть брачна, и связанъ изверженъ буду отъ ангеловъ». Не могу я здѣсь не вспомнить и мыслей св. Иоанна Златоуста, изложенныхъ имъ въ 6-мъ словѣ о священствѣ, когда отъ друга своего св. Василія Великаго онъ услышалъ вѣсть объ избраніи во епископа: «Съ того дня, въ который ты сообщилъ мнѣ объ этомъ намѣреніи (избраніи во епископа) часто я бывалъ въ опасности совершенно разслабить тѣломъ, такой страхъ, такое уныніе овладѣвали моею душею! Представляя себѣ славу Невѣсты Христовой св. Церкви, ея святость, духовную красоту, мудрость, благолѣпіе, и размышляя о своихъ слабостяхъ, я не переставалъ оплакивать Ее, а себя называть несчастнымъ. Часто размышляя такимъ образомъ съ самимъ собою и, не могши

перенести мысли о такой несообразности, я падалъ въ изнеможеніи подобно разслабленнымъ и ничего не могъ ни видѣть ни слышать. Когда проходило такое оцѣпенѣніе, то смѣняли его слезы и уныніе, а послѣ продолжительныхъ слезъ наступалъ опять страхъ, который смущалъ, разстраивалъ и потрясалъ мой умъ».—И я благодарю Господа, что такіа и подобныя спасительныя и благодатныя мысли наполняютъ мою душу въ переживаемыя мною нынѣ священные минуты.

Сказаннаго было бы и достаточно. Но долгомъ своей совѣсти почитаю повѣдать вашему святѣйшеству нѣчто о пройденномъ уже мною пути и предстоящемъ мнѣ теперь, сопряженномъ съ несравненно большими трудностями и опасностями. Пройденное мною до сихъ поръ монашеское послушаніе и служебное дѣланіе распадается между службою духовно-учебною и монастырскою жизнью въ разныхъ мѣстахъ св. нашей Руси: и въ западномъ краѣ, и на Кавказѣ, и въ Крыму и наконецъ—въ сердцѣ Россіи первопрестольной и древле-православной Москвѣ. И вотъ окидывая не разъ, въ особенности въ послѣднее время, мысленнымъ взоромъ пройденный мною путь, я нахожу и исповѣдаю сіе предъ вами, богумудрые архипастыри и отцы, что въ болѣе раннюю пору своего служенія и по молодости и по недостаточной еще опытности я былъ склоненъ преувеличивать свои дѣла и умалять или не замѣчать своихъ недостатковъ. Но вотъ служба духовно-учебная въ силу обстоятельство и не безъ воли Божіей смѣняется жизнью монастырскою. И не обинуясь, долженъ сказать я, жизнь монастырская много дала мнѣ полезныхъ и спасительныхъ уроковъ, и самыя тернія и скорби ея, особенно тяжелыя для новичковъ, несомнѣнно послужили въ концѣ концовъ на духовную пользу мнѣ. Не говоря уже объ особомъ укладѣ и Богослужебномъ уставѣ, жизнь эта показала мнѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ старцевъ образцы истинно-

монашескаго дѣланія и смиренія, и научала меня болѣе «хвалиться немощами и недостатками своими», (II Кор. 12, 9), чѣмъ дѣлами и заслугами направляя къ тому и мысли мои. Здѣсь я увидѣлъ нѣкоторыхъ братій, которые посвятили себя иноческой жизни и ищутъ славы «не яже (Іоан. 5, 44) отъ людей, но яже отъ единого Бога». Въ одной изъ обителей я всегда видѣлъ предъ лицомъ своимъ страждущаго святителя, пораженнаго тяжкою болѣзнію, и, взирая на его положеніе и смиреніе, самъ научался тому же и благодарилъ Господа, что Онъ далъ мнѣ возможность быть полезнымъ ему. Итакъ вотъ по такимъ примѣрамъ и образцамъ я часто оцѣнивалъ съ духовною пользою для себя всю свою предшествующую жизнь и дѣятельность, озирая ихъ мысленнымъ окомъ, всѣ посѣтившія меня испытанія и напасти. Благодареніе Господу за сію его милость!

Переиюсь теперь своею мыслию къ предстоящему мнѣ великому служенію и переживаемому нами времени. Никогда, быть можетъ, въ исторіи нашей Церкви и Отечества не было столь труднаго времени для паствы и въ особенности архипаствы, какъ переживаемое. Словами св. Апостола нужно сказать, что переживаемъ мы «времена тяжкія», тяжкія и для св. нашей Церкви православной и для дорогаго нашего Отечества. Религіозно-нравственное состояніе нашего времени вполне совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображаютъ св. Апостолъ Павелъ во II-мъ посланіи къ Тимоѳею (гл. 3 и 4) и Петръ во II-мъ соборномъ (гл. II). Наше время дѣйствительно таково, что «большинство здраваго ученія вѣры не принимаетъ, но по своимъ прихотямъ избираетъ себѣ учителей, которые льстили бы слуху (II Тим. 4, 3)», «злые люди и обманщики преуспѣваютъ во злѣ, вводя въ заблужденіе и заблуждаясь (II Тим. 3, 13)», «появившіеся во множествѣ лжеучители вводятъ пагубныя ереси и отвергаются

искупившаго ихъ Господа, многие слѣдуютъ ихъ разврату, путь истины въ поношеніи (II Петр. 2, 1—2) и ей противятся, вѣра и благочестіе въ гоненіи (II Тим. 3, 8—12)». И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, неудержимо берутъ у насъ силу всѣ другія враждебныя св. православію начала. Развѣдая тѣло Церкви, они въ тоже время проникаютъ и во всѣ прочія области нашей жизни: семейную, общественную и государственную, расшатывая и подтачивая ихъ.

Св. православная вѣра и Церковь у насъ теперь въ гонимомъ положеніи прежде всего отъ этихъ враждебныхъ ему началъ, отъ всѣхъ враждебныхъ имъ ученій инославныхъ, иновѣрныхъ, сектантскихъ и социалистическихъ. Затѣмъ идетъ у насъ теперь переоцѣнка всего. И святое православіе сейчасъ находится у насъ въ такомъ положеніи, что какъ будто возникло сомнѣніе въ немъ, какъ въ основѣ жизни, не смотря на 1000-лѣтнюю его исторію, не смотря на то, что оно создало у насъ за эти 1.000 лѣтъ славную Церковь и сильное могущественное государство. Св. Церковь наша поставлена теперь въ открытый бой, состязаніе со всѣми враждебными ей теченіями, подъ удары, мечи и рапы и должна, можетъ быть, великою цѣною, снова завоевать и создать себѣ всепобѣждающее и господствующее положеніе и значеніе.

Отечество наше переживаетъ смутное время. Идетъ походъ на св. православіе, но онъ идетъ и на другія священныя основы нашей государственной жизни, на все, что находится въ соединеніи съ православіемъ, исповѣдуетъ, охраняетъ его. Можетъ ли православный пастырь остаться въ сторонѣ отъ всего этого, можетъ ли онъ быть равнодушнымъ здѣсь? И, конечно, каждый пастырь и по долгу своего званія, и силою обстоятельствъ онъ вызывается стать на борьбу, на защиту всѣхъ попираемыхъ святынь, даже до положенія живота своего. Но, поистинѣ, нужно ска-

зять, положеніе пастыря здѣсь невыразимо, сугубо-трудное. Съ одной стороны, онъ слышитъ здѣсь обвиненіе въ томъ, что Церковь преслѣдуетъ одинъ лишь загробный идеаль, что она не хочетъ подойти къ земной жизни, высказаться о ней, освятить ее, съ другой стороны, когда пастырь начинаетъ подходить къ земной жизни во всѣхъ ея сторонахъ, высказываться о ней, проводить въ ней начала св. православія, тѣ же обвинители говорятъ ему, что это—не его дѣло, что онъ вторгается въ неподлежащую ему область, а его дѣло—лишь молитва и спасеніе душъ.—Гдѣ же современный пастырь и архипастырь почерпнетъ для себя въ этомъ случаѣ урокъ, указаніе пути, по которому ему нужно слѣдовать? Невольно мысль здѣсь переносится къ прошлымъ судьбамъ св. нашей Церкви и отечества. «Помянухъ дни древніе и поучихся». Въ нихъ всегда можно найти полезныя для себя уроки. Невзгоды и напасти посѣщаютъ нашу Церковь и Отечество не впервые, и нынѣшнее тяжелое время весьма справедливо сравниваютъ съ тѣмъ смутнымъ временемъ, которое было на Руси 300 лѣтъ тому назадъ предъ воцареніемъ благословеннаго Дома Романовыхъ. Тогда враги Церкви и Отечества, вѣншіе и внутренніе, поставили костель въ Московскомъ Кремлѣ и уже готовы были посадить на престолъ инославнаго королевича,—теперь совершается то же и даже нѣчто худшее: на центральную Русь и даже на сердце ея—Москву нахлынули всевозможныя секты съ ихъ проповѣдниками, которые отвращаютъ и отвратили уже множество православныхъ людей отъ истины и даже перекрещиваютъ ихъ вновь. Видимъ мы и всевозможныя посягательства на священную Царскую власть и особу Самодержавнаго Монарха. Чему же поучаютъ насъ въ подобныхъ случаяхъ «дни древніе»? Здѣсь, прежде всего, изъ глубины вѣковъ встаютъ предъ нами величавые образы такихъ строителей Церкви и земли Русской, такихъ пособниковъ у кня-

зей и царей въ строеніи церковно-государственномъ, какъ святители Московскіе Петръ, Алексій, Иона и Филиппъ, преподобный Сергій, а въ смутное время, бывшее 300 лѣтъ назадъ,—патріархъ Гермогенъ. Этотъ святитель съ Аврааміемъ Палицинымъ, граждане Мининъ и князь Пожарскій и многіе другіе, единодушно встали тогда на защиту попираемыхъ святынь, исконныхъ и незыблемыхъ основъ нашей церковно-государственной жизни: православія, тѣсно соединеннаго съ нимъ священнаго Царскаго Самодержавія и русской народности. Они и разсылали грамоты по всѣмъ концамъ русской земли и призывали русскихъ людей сплотиться, соединиться на защиту Церкви святой и Отечества, они пострадали за это святое дѣло, но Церковь и Отечество были спасены. Изъ дали вѣковъ они призываютъ и насъ къ тому же въ переживаемое нами не менѣе, если не болѣе, смутное время. Но тогда, 300 лѣтъ тому назадъ, во времена твердости и преданности святой вѣрѣ православной русскихъ людей, сдѣлать это было гораздо легче. Стоило кликнуть кличъ, и русскіе люди готовы, собрались, они не жалѣютъ ни женъ, ни дѣтей, ни имущества для святого дѣла. Теперь же належить нужда обратить и возвратить многихъ къ святой вѣрѣ православной, чтобы успѣшенъ былъ этотъ кличъ. И эта трудная задача предстоитъ нашей мисси, которой служить и всѣ пастыри. И вотъ передъ такой-то труднѣйшей задачей стоитъ современный пастырь, а наипаче—архипастырь Церкви православной, стою передъ нею и я, меньшій изъ братій, призываемый нынѣ волею Божіею къ архіерейскому служенію въ Церкви Христовой.

Гдѣ же я почерпну себѣ силы для понесенія сего тяжкаго бремени? Въ чемъ я найду себѣ поддержку въ скорбяхъ и терніяхъ сего служенія? Съ Пастыреначальникомъ Христомъ Спасителемъ, по Его неложному слову, «иго Его—благо, и бремя Его—легко есть» (Мате. 12, 30).

Отъ всея души, отъ всего моего сердца и помышленія вѣрю въ новыя благодатныя силы, которыя милостію Божіею сообщаются мнѣ отъ Святаго Духа въ таинствѣ хиротоніи черезъ ваше святительское рукоположеніе, вѣрю въ Божественную благодать, «немогущая врачующую и оскудѣвающая восполняющую», что я испыталъ и на себѣ за свое непродолжительное священнослуженіе. Много будетъ поддерживать, утѣшать и укрѣплять меня и то, что служеніе мое будетъ проходить на родинѣ, въ древле-православной области Ростовско-Ярославской, близкой и сродной по духу съ оставаемой мною Москвой, что жить я буду въ обители, находящейся рядомъ съ тѣмъ приходскимъ храмомъ, въ которомъ священствовалъ мой родитель, и подъ сѣнью котораго я воспитался, выросъ, прошелъ среднюю и высшую свѣтскую школу и начало духовно-академическаго курса, гдѣ зародились и окрѣпли первыя святыя впечатлѣнія и стремленія къ священству, гдѣ я по окончаніи высшей свѣтской школы далъ въ своемъ сердцѣ внутренній обѣтъ посвятить себя и свои силы на служеніе святой Церкви въ иноческомъ чинѣ; что въ области Ярославской почитаетъ и мой небесный покровитель, ученикъ преподобнаго Сергія, преподобный Сильвестръ, Обнорскій чудотворецъ, при храмѣ котораго—нынѣ приходскомъ, а прежде монастырѣ, я родился, имя котораго принялъ я при постриженіи, и который въ служеніе тамъ покойнаго родителя моего въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія прославился чудотвореніями, привлекавшими туда множество богомольцевъ. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ я не могу не видѣть дѣйствій особаго Промысла Божія, посылающаго меня на служеніе на родину, а если есть нѣкоторыя практическія неудобства такового служенія, то они искупаются этими отрадными и утѣшительными сторонами. Нужно сказать, что и преподобный Сергій, и основатели, и первоначальники нынѣ остав-

ляемой мною обители Спасо-Андроніевской, преподобные Андроникъ и Савва, происходятъ изъ области Ростовской и, конечно, не безъ ихъ благословенія и напутствія я исхожу на служеніе родинѣ. Хиротонія моя, милостію Божіею, имѣетъ быть совершена въ семь царствующемъ градѣ—мѣстѣ моего свѣтскаго ученія и въ обители и въ храмѣ святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, имя котораго я носилъ въ мѣрѣ. Уповаю на молитвы его, преподобнаго Сергія и учениковъ его Андроника и Саввы и Сильвестра, всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ, Ростовскихъ—Леонтія, Исаи, Игнатія, Іакова, Феодора и Дмитрія, Ярославскихъ святыхъ благовѣрныхъ князей Василія и Константина, Феодора и чады его Давида и Константина. Призываю на себя молитвы преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, на прославленіи котораго сподобилъ меня Господь быть, и Аонасія и Кирилла, патріарховъ Александрійскихъ, покровителей обители, въ которой буду жить теперь.—

Приношу снова благодареніе вашему святѣйшеству, благоизволившему удостоить меня чести архіерейскаго служенія въ святой Церкви нашей, земно кланяюсь первосвятителю Церкви Московской, подъ кровомъ крыль котораго я укрывался до сихъ поръ, благодарю и первосвятителю Церкви Ярославской, благоволившаго избрать меня въ свои сотрудники подъ свое испытанное, мудрое и любвеобильное руководство.—

Въ заключеніе усердно прошу молитвъ обо мнѣ вашего святѣйшества всегда, а наипаче при поставленіи меня во епископа, чтобы Божественная благодать, подобно углю Серафима, «прикоснулась устамъ моихъ, отняла беззаконія моя и всѣ грѣхи мои очистила» (Іез. 18, 31, 36, 26), вложила бы въ меня «духъ новый и сердце новое», чтобы содѣлывать и возвѣщать людямъ спасеніе Божіе и изливать на нихъ сію (Іоан. 2) Божественнаго Духа благодать.

